© 2026 Н. В. Шляхтина
Москва, Россия

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЕ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ 1930-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х годов

Аннотация. В статье рассматривается экспедиционная деятельность Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в 1930-е – 1940-е годы. Этот период характеризуется значительным ограничением исследовательской свободы в связи с изменением партийного и государственного взгляда на задачи этнографической науки. Тем не менее проведенные экспедиционные исследования этого времени позволили зафиксировать состояние этнической культуры русских на определенном этапе. Попытки внедрения новых идеологических методик исследований в реальной полевой работе дополнялись традиционным монографическим подходом, что давало возможность сохранить, хоть и в ущемленном виде, комплексность исследований. С возникновением новых задач, обусловленных военно-политическими событиями, этнографическая наука сумела актуализировать свой научный и кадровый потенциал.

Ключевые слова: советская этнография, 1930-е годы, экспедиционные исследования.

Ссылка при цитировании: Шляхтина Н. В. Изучение русского народа в экспедиционной работе Института этнографии 1930-х – первой половины 1940-х годов // Традиции и современность. 2026. № 46. С. 21–35

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Шляхтина Наталья Валерьевна (**Shlyakhtina Natalya Valerjevna**) – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, эл. почта: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-9321-8863

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 46. С. 21–35
ISSN 2687-1122; **ISSN 2687-119X** || http://naukapravoslavie.ru
УДК – 0.99; **82-96**; **397**; **ББК – 63.3** (**2 Рос.**); **86.39**; https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-46/21-35

Советская этнография создавалась как государственная наука, с самого начала участвуя в реализации масштабных проектов советской страны. 1920-е годы характеризовались при этом сохранением традиций дореволюционной этнографии в научном подходе, руководстве проектами со стороны крупных ученых, классической системе ученичества и главное – свободой научного творчества и научного диалога.

Рубежом между советской этнографией 1920-х и 1930-х годов принято считать Совещание этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г. (Совещание 1929).

С одной стороны, на нем еще развивались положения Совещания 1927 г. о необходимости поддержки краеведов, увязки планов местных и центральных этнографических работ и учреждений, важности применения различных технических приемов (кино- и фотосъемка и пр.). В отношении программ предлагалось снабжать их библиографическими указателями по темам исследования с аннотациями. В области организации экспедиций планировали составить справочник этнографических учреждений и этнографов, а также карту Союза с указаниями исследованных в разной степени и совсем не исследованных этнографами местностей, вести учет готовящихся и состоявшихся экспедиций, издавать на базе журнала «Этнография» справочные экспедиционные бюллетени, систематически прорабатывать вопросы технической организации и снаряжения, создать показательный кабинет экспедиционного снаряжения (Резолюция 1929).

С другой стороны, был поднят неожиданный, на первый взгляд, вопрос о несамостоятельности этнографии как науки.

Дискуссии о предмете и задачах этнографии велись в Коммунистической академии, Обществе историков-марксистов, на страницах специальных журналов. Завершающим этапом стало археолого-этнографическое совещание 1932 г.

Мощным аргументом в поддержку новой теоретической базы этнографических исследований были репрессии по сфабрикованным ГПУ делам. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и «Дело славистов» 1933–1934 гг. привели к разгрому краеведческого движения, остановке или переформатированию исследовательской работы. Дело славистов особенно близко коснулось этнографии русского народа. Работа музеев, представлявших в экспозициях историю и этнографию русского народа, была оценена как поддержка шовинистических настроений и фашистских идей панславистского характера. Д. А. Золотарев арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности в Ленинградском отделении Центрального бюро краеведения, затем по обвинению в «финском фашизме» и погиб в Сиблаге в 1935 г. Глава Костромского краеведческого движения В. И. Смирнов арестован в 1930 г. за «аполитизацию и децентрализацию науки» и скончался в ссылке. Н. И. Лебедева в 1933 г. сослана в Тюмень по делу о «Русской национальной партии». В. В. Богданов обвинен в симпатиях к культурно-исторической школе, арестован в 1929 г. и прошел ссылку (1930–1933 гг.). Лидер Совещания 1929 г. П. Ф. Преображенский расстрелян в 1937 г. Годом ранее был расстрелян первый директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР Н. М. Маторин. Арестован и умер в ссылке Б. С. Жуков. Из-за репрессий против него не опубликованы и частично утрачены материалы его экспедиций. Многие коллекции, собранные Д. А. Золотаревым, сохранились только благодаря тому, что их зарегистрировали другие собиратели.

А. М. Решетов подсчитал, что в целом по разным делам было репрессировано около полутысячи этнографов (*Решетов* 1994). Не говоря уже о простых на этом фоне увольнениях, снятии с должностей, проработках. Так, в отчете Этнографического отдела Русского музея за 1931 г. выражалось недовольство тем, что на весь коллектив (41 научный сотрудник) только два члена партии и 2 члена ВЛКСМ, и перечислялись меры по приобщению старых сотрудников к марксизму (доклады с критикой немарксистских направлений, методические совещания, семинары по ленинизму, по проработке постановлений Съездов Советов и т. д.) (Этнографический отдел 1931).

В такой обстановке новые методология и теория утвердились быстро и повсеместно. Работать, как в 1920-е годы, стало невозможно.

Основные положения новой методологии и теории для этнографии были определены в 1932 г. на Всероссийском археолого-этнографическом совещании.

Н. М. Маторин и С. П. Толстов заявили, что этнография изжила себя как наука, этнографии как отдельной науки быть не может.

Сам язык решений Совещания – уже не научный, а идеологизированный, пугающий своей путанностью.

Вопрос об отношении к этнографическому факту, о самой возможности его трактования этнографией ставился так. Если этнограф сам пытается объяснять зафиксированные в поле факты, предметы, явления, он неизбежно становится сторонником одного из лжеучений: «немецкой буржуазной этнографии»; «феодально-дворянской этнографии» (которая «особенно сильно представлена на местах в краеведческом (или, скорее, “родиноведческом”) движении… центрами которой являлись Русское

географическое общество и Русский музей»); «мелкобуржуазного народнического течения» (представителями назывались Штернберг и Богораз-Тан); «воинствующего идеализма», «вульгарного материализма», «чистого эмпиризма, открывающего дорогу тому же идеализму», культурно-исторической школы Шмидта («прямого орудия Ватикана и рупора политических интересов империалистических держав»), «социал-фашизма в этнографии», «буржуазного эмпиризма», «агностицизма», «эклектизма», «великодержавного шовинизма» или «местного национализма», «буржуазной и клерикальной этнологии»; чешских и болгарских центров славяноведения (с которыми связывали этнографию русских); либерально-примиренческого отношения к старой этнографии (лидером назван П. Ф. Преображенский); «приспособленчества к социалистическому строительству» (как представитель назван С. И. Руденко).

Трактовать факты может только история на основе метода диалектического материализма. Перед советским этнографом ставилась задача овладения этим методом (Резолюция 1932: 11; *Шахнович* 1932). Но и в этом случае он мог лишь предоставлять истории необходимый материал. В такой роли этнография ставилась ниже археологии, фольклора и литературоведения, что и объясняет большее число экспедиций в последующие годы именно по археологии и фольклору.

Пункт 25 Резолюции совещания гласил: «Построение этнографии как самостоятельной науки, с особым предметом и методом изучения противостоящей или равноправной истории, противоречит марксистско-ленинскому учению о диалектике исторического процесса, который представляет закономерную смену ряда общественно-экономических формаций. История, изучающая последовательно и в надлежащей связи, при помощи метода диалектического материализма, смену этих формаций, пользуется как наука разнообразными источниками и разнообразными техническими приемами для получения этих источников. К числу их относятся так наз. археологические, фольклорные, литературные (письменные вообще) и наконец добытые путем непосредственного наблюдения (так наз. описания быта) материалы» (Резолюция 1932: 12).

Предметом исследований на совещании предлагалось сделать процессы этногенеза и расселения этнических и национальных групп; материальное производство в его конкретных вариантах; происхождение семьи, классов, форм религии, искусства «и других надстроек»; строительство культуры национальной по форме и социалистической по содержанию. В материальном производстве предлагалось обратить внимание на сельскохозяйственную технику в лесных и степных районах (у русских, белорусов, башкир), ремесленную технику и промыслы лесных и озерных районов, включая лесотехнический промысел (строительная техника, гончарство, рыболовство – Ленинградская, Ивановская области, Нижегородский край, БССР, Западная Сибирь), текстильное производство, приготовление одежды, крашение и т. д. И как итог этих исследований предполагалось представить сводный труд по истории материального производства у народов СССР (Резолюция 1932; *Шахнович* 1932: 202).

В области изучения пережитков предполагалось разрабатывать вопросы «бытового православия» как синкретизма православных и дохристианских верований.

Решения претворялись в жизнь.

В 1930 г. для изучения и обоснования преобразований в жизни крестьян в Институте по изучению народов СССР (ИПИН) создана «колхозная группа», которая работала до 1932 г. Ее возглавлял Николай Михайлович Маторин. После создания Института антропологии, археологии и этнографии в 1933 г. данная тематика была продолжена в нем. Колхозная группа ИПИН подготовила анкеты и программы. В 1931–1932 гг. этой группой осуществлены Северо-Кавказская, Белорусская экспедиции, исследования эстонских колхозов Ленинградской обл., по программам группы велись исследования в Дальневосточной и Среднеазиатской комплексных экспедициях (*Торэн* 1932).

Изучением религиозности русских с точки зрения синкретизма, «бытового православия» занималась специальная группа, созданная по инициативе Н. М. Маторина. Она работала с 1929 г. как Комиссия по составлению религиозно-бытовой карты СССР, затем – Комиссия по изучению истории культов и бытовой религиозности при Государственной академии истории материальной культуры, с 1934 г. как Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии АН и в Институте антропологии, археологии и этнографии. В ней трудились этнографы ГАИМК, Музея антропологии и этнографии, Института по изучению народов СССР. Исследователи организовывали антирелигиозные выставки (Н. М. Маторин инициировал создание Музея истории религии и атеизма в 1932 г., руководил Ленинградским отделением Союза воинствующих безбожников), проводили комплексные полевые исследования на Русском Севере, в Поволжье и других регионах.

М. Шахнович опубликовала протоколы заседаний группы, из которых видны особенности ее работы. При анализе религиозности русских делался акцент на проявление языческих культов. Работа

планировалась с учетом архивов: Синодального, Тенишевского, Русского географического общества, дореволюционных журналов «Живая старина», «Этнографическое обозрение», епархиальных ведомостей. Создавалась сеть корреспондентов на местах. Интерес к дореволюционным источникам объяснялся тем, что антирелигиозное направление базировалось на дискредитации православия – выявлении у православных неправославной веры (тотемизма) и рациональном объяснении происхождения религии. В частности, обсуждались доклады на основе полевых материалов: «Бытовое православие в Лужском крае», «Дохристианские верования восточных славян в период генезиса феодализма» и др. (*Шахнович* 2013, 2021).

Постоянный секретарь группы А. А. Невский сообщает, что одно время она называлась «группой по изучению бытового православия», затем «группой по изучению религиозного синкретизма». Участники ставили задачу «изучения синкретических культов, представляющих результат скрещения остатков дохристианских, доисламских и доламаистских культов с религиями более сложных систем. Изучение процессов отмирания этих религиозных культов… на основе социалистического строительства и культурной революции. История ислама, ламаизма, иудаизма, католичества, лютеранства и история русской церкви (как организации) не входят в круг рассмотрения секции» (*Невский* 1934).

В середине 1930-х годов деятельность группы была свернута, в том числе и в связи с арестом Н. М. Маторина.

Установка Совещании 1932 г. на изучение этногенеза дала толчок многим археологическим исследованиям, которые в процентном отношении значительно перекрывали этнографические. В отчете Института антропологии, археологии и этнографии за 1935 г. читаем: «среди намеченных по плану экспедиций и командировок особое место по своей численности и значимости заняли экспедиции археологические» (*Вяткина* 1936: 140).

В 1934 г. работали археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры: Беломорско-Балтийская на месте строительства Беломоро-Балтийского канала, Свирская в зоне строительства гидроэлектростанции Свирстрой, Волжская в зоне строительства Ярославской гидроэлектростанции, Волгостройская в зоне строительства канала Волга–Москва, Камская в зоне строительства Пермской гидроэлектростанции, 1-й, 2-й, 3-й Волго-Донские отряды на местах будущего строительства с целью улучшения судоходства Дона, Терская в зоне строительства Терской гидротехстанции, Баксанская в районе строительства Баксанской гидроэлектростанции в Кабардино-Балкарской автономной обл., Ангарская в зоне проектируемых гидростанций на р. Ангаре; а также Новгородская, Вауловская, Боголюбовская, Уфимская, Оскольская, Костенковская, Северокавказская по изучению остатков поселений Тмутараканского княжества.

Часть экспедиций проходила в сотрудничестве с Институтом антропологии, археологии и этнографии. Хорезмская экспедиция, возглавляемая М. В. Воеводским, заложила фундамент для масштабной археолого-этнографической работы сотрудников Института под руководством С. П. Толстова (*Борисковский* 1935; Экспедиции 1934; *Равдоникас* 1934).

В зонах крупных строительных работ археологи открыли и спасли многие исторические памятники. Беломорско-Балтийской экспедицией, в частности, совершены открытия мирового значения: уникальный комплекс наскального искусства IV–III тыс. до н.э., десятки стоянок эпохи неолита, подтвердившие высокий уровень развития первобытных культур на Русском Севере.

Новгородские экспедиции под руководством А. В. Арциховского (в которых участвовал тогда только окончивший университет будущий академик Б. А. Рыбаков) по изучению средневекового города, а также по раскопкам славянских курганов, экспедиции под руководством П. Н. Третьякова (Верхневолжская и Днепровская) и другие доказывали, что летописные славянские племена сформировались на базе местных, более ранних культур железного века, и разрушали теории о внезапной миграции славян с Дуная, показывали высокую культуру и глубокую автохтонность новгородских словен. Это означало, что Древнерусское государство возникло на прочной местной славянской основе.

Таким образом археологические изыскания легли в основу разработки проблем этногенеза.

В 1938 г. при АН СССР была учреждена комиссия по проблемам этногенеза под руководством А. Д. Удальцова. В состав комиссии вошел и С. П. Толстов.

С 1940 по 1944 г. комиссия при участии Института этнографии организовала четыре сессии по этногенезу. Сессия по этногенезу славян прошла в 1943 г. Ее участники (основные докладчики – М. Н. Тихомиров, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, Н. С. Державин, А. В. Арциховский, Л. А. Мацулевич) обосновывали автохтонное происхождение славян и их глубокие исторические корни, критикуя норманнскую теорию и подчеркивая историческую преемственность от древних племен Восточной Европы.

Работы по этногенезу славян напрямую были связаны с ростом интереса к русской тематике и перспективами расширения исследований по ней.

По поводу полевых этнографических исследований в 1932 г. Н. М. Маторин (директор Институ-

та по изучению народов СССР, а в 1933 г. – первый директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР) в статье «На пороге второй пятилетки» писал: «Должна вестись усиленная работа по критическому усвоению и преодолению буржуазного и мелкобуржуазного наследства в этнографии, а наряду с этим – собирание новых данных на местах уже при помощи марксистско-ленинского метода и по новым программам» (*Маторин* 1932а).

В другой статье этого же года Н. М. Маторин поясняет, как это работает при изучении русских: «Если обратиться к отсталым углам нашей русской деревни, где еще застряли наряду с мелкособственническими предрассудками пережитки колдовства, знахарства, темное наследие феодального религиозного синкретизма в виде бытового православия – то изучение ее должно было неизбежно принять совершенно новое направление всей политики партии в деревне, борьбы с кулачеством, под влиянием глубоких мероприятий правительства по организации социалистического земледелия… от голого эмпиризма, от любования стариной, от простого фиксирования пережитков, надо было, как и в национальных районах, перейти к заостренной постановке исследования с точки зрения классовых задач пролетариата…»; причем «важную роль призван выполнять вновь возникающий в Академии Наук СССР… Институт антропологии и этнографии» (*Маторин* 1932б).

М. Шахнович в статье «Вторая пятилетка этнографической работы в МАЭ и ИПИН АН СССР, Этнографического отдела Государственного Русского Музея» ссылается на слова М. Горького: «Задача этнографа включиться в эту работу по очистке “очень широкой, емкой души русского народа”, которая была насыщена и отравлена уродливыми суевериями и дикими предрассудками примитивных бытовых условий (Максим Горький)» (*Шахнович* 1932: 197).

Если ученый не имел права трактовать этнографические факты, обнаруженные в экспедициях, не зная марксистского их понимания, значит, до 1932 г. он трактовал всегда неправильно. Более того, он мог не замечать и не фиксировать факты, которые со всей очевидностью марксистскую теорию подтверждают.

Эта новая установка вызвала к жизни такое интересное явление, как повторные экспедиции по маршрутам «ошибавшихся» исследователей.

В 1931 г. в Ухтинский р-н, где работала экспедиция Д. А. Золотарева в 1927 г. по заданию Института по изучению народов СССР, были отправлены аспирантка АН СССР М. Пальвадре и студент Ленинградского историко-лингвистического института И. Мулло. После полутора месяцев работы М. Пальвадре писала: «При освещении вопросов социально-экономического строя Д. А. Золотарев дает в своем отчете искаженную картину классового расслоения <…> а об уходе массы местного населения он говорит: “в результате ликвидации (!) восстания против советской власти край опустел, так как ушло в Финляндию до 54% населения…” Эти положения, не говоря о других более мелких, наталкивают на один определенный вывод. Автор рисует такую картину, что торговля была основным занятием населения Ухтинского района (“…земледельческое хозяйство… не является для населения основным источником дохода” и т. д.), т. е. являлась экономической основой жизни местного населения, и основа эта была разрушена советской властью. Отсюда, надо полагать, по Д. А. Золотареву, проистекают восстание и уход населения Ухтинского района в Финляндию. Перед экспедицией 1931 г. была поставлена задача проверить упомянутые выводы Д. А. Золотарева, сомнительные как по своему характеру, так и по методологическим установкам их автора» (*Пальвадре* 1931: 207).

Экспедиция 1931 г. обнаружила, что «обманутое поначалу финской агитацией» население теперь вступило в колхозы, развивает травосеяние, осушает болота, имеет две электростанции, ясли, клуб; быстрыми темпами развиваются лесоразработки, работают лесопильный комбинат, кузнечная, механическая, столярная мастерские. «Все эти данные… кстати сказать, вовсе не принятые во внимание Д. А. Золотаревым, показывают то направление, в котором дальше пойдет успешное развитие данного района» (*Пальвадре* 1931: 209). Причем не объясняется, что промышленный рост связан с реализацией потребностей возникшего в этом регионе масштабного лагерного строительства.

М. Ю. Пальвадре сама участвовала в Северо-Западной (1920–1923), Карельской (1926–1928) и Лопарской (1930) экспедициях Д. А. Золотарева. Как некоторые молодые ученые того времени, за счет марксистской критики своих учителей она продвигалась по административной линии, но затем и сама попала в репрессивную машину и была расстреляна в 1937 г. (*Королькова* 2026).

Учрежденный в 1933 г. Институт антропологии, археологии и этнографии в своей структуре не имел отделений, специально ориентированных на изучение русских. Этнографическая секция Института состояла из кабинетов: Индии, Индонезии и Дальнего Востока, Сибири, Европы, Австралии и Океании, Южной и Северной Америки и Африки, Передней и Средней Азии. Данная на Совещании 1932 г. установка на изучение в первую очередь истории доклассового общества сказалась в поисках тотемизма в русских верованиях – такие исследования проводили сотрудники кабинета Европы (*Лекомцев* 1936).

Более детально работу этнографов-русистов в условиях идеологического давления 1930-х годов

можно разобрать на примерах отчетов об экспедициях Государственного музея этнографии, организовывавшего их для изучения русского населения в связи с подготовкой различных выставок и с целью пополнения коллекций.

Установка на изучение производственных процессов и быта колхозников расширила понятие комплексности исследования. В него вошли вопросы обустройства общественного быта (образование, медицина, клубы, дома культуры, местные театры, ясли, сады, общеобразовательные и музыкальные школы, пионерские лагеря, дома отдыха, больницы, аптеки, гигиена), а также новая, советская, организация сельского хозяйства, животноводства, новые промышленные производства.

В 1932 г. Этнографический отдел Государственного Русского музея организовал экспедиции в Ленинградскую обл. В Ефимовском р-не сбор материала в области лесозаготовок проводился по следующим темам: организация и учет лесозаготовительных работ; механизация и рационализация лесозаготовок; культурно-бытовое обслуживание лесорубов; виды заготовляемых лесоматериалов; вредительская работа кулацких элементов вокруг лесозаготовок.

В число собранных экспонатов вошли: полное оборудование современных лесных бараков, образец лежневой дороги, образцы пней для иллюстрации рациональной рубки лесосек, спецодежда сплавщиков, орудия производства, образцы лесоматериалов для экспорта и внутреннего рынка, лозунги и стенгазеты из клуба, красного уголка и столовой лесоучастка, знамена, выдаваемые рабочкомом лесорубам за лучшую и худшую работу и т. д. Для сравнения изучены дореволюционные условия работы лесорубов и материал «об эксплуатации их промышленниками».

В области колхозного строительства изучались: организация колхозов, организация и учет труда в них, землеустройство, технические нововведения, классовая борьба. В качестве экспонатов взяты: заявление о вступлении в колхоз, производственные планы, трудовые и расчетные книжки, наряды бригадам, планы землеустройства.

В Мурманском округе маршрут экспедиции проходил через г. Мурманск, с. Полярное, совхоз «Индустрия» при станции Апатиты, Полярное отделение Института растениеводства им. Ленина при станции Хибины Мурманской железной дороги.

Рыбное хозяйство исследовалось по двум направлениям. По линии Севтралтреста собран материал по технике тралового лова и обработки рыбы как в море, так и на базе в Мурманске. Как экспонаты отобраны: рыбная мука, медицинский жир, тресковая печень, а также соответствующие орудия производства.

По линии Муррыбакколхозсоюза велась работа по вопросам социально-технической реконструкции берегового лова трески. Обращено внимание на строительство рыбацких колхозов (динамика роста, социальный и партийный состав членов, степень оборудования колхозов промысловой посудой и орудиями лова); организацию и учет труда в рыбацких колхозах; меры по укреплению рыбацких колхозов (повышение доходности, производительности труда, добычи рыбы-сырца на единицу флота и на одного ловца по сравнению с единоличными хозяйствами); культурно-бытовое обслуживание (библиотеки, радиоустановки, стенгазеты); техническое оборудование (виды промысловой посуды, снасти, виды орудий берегового лова) (*Малиновская* 1932).

В 1935 г. работала экспедиция от Государственного музея этнографии к русскому населению Пинежского и Мезенского р-нов Северного края – в составе Н. П. Гринковой и Н. А. Федоровой-Дылевой. Цель – сбор экспонатов для выставки «Северный край при царизме и при социализме». Упор был сделан на собирание материалов по соцстроительству и подбор недостающих материалов по дореволюционному периоду. Обследованы передовой колхоз «Сдвиг» Вижевского сельсовета и отсталый колхоз имени 1 Мая Карьепольского сельсовета. Зафиксированы сведения об особенностях земледелия в условиях севера, организации животноводства, труде и быте колхозников; жизни «охотников-промышленников», уходящих почти на всю зиму на охоту и поэтому работающих в колхозе только летом. Изучен рыболовный промысел. Для выставки собраны снаряжение охотников, ловушки, записана терминология и календарь охотничьего промысла и др. В Карьепольском р-не в области костюма отмечено влияние ненецкой народной одежды. Подробно описаны, зарисованы старинные северные дома, терминология по ним, сделаны фотографии и планы. Обращено внимание на вопросы сбыта пушнины, рыбы, продуктов животноводства до революции и после. В том числе записаны сведения о двух больших дореволюционных ярмарках в г. Пинеге, на которые съезжались русские купцы и промышленники, русские крестьяне с Пинеги, Мезени, Печоры, а также ненцы и ижемцы. Собранные сведения позволили дать характеристику взаимоотношений этих трех национальностей «в условиях царской национальной политики».

Экспедиция работала и в Ломоносовском сельсовете Холмогорского р-на. Изучались животноводство (в Ломоносовском колхозе разводили знаменитую холмогорскую породу коров) и резьба по кости (Ломоносовская косторезная артель).

В Архангельске получен материал по лесной промышленности: по лесозаготовкам и лесосплаву. Посетили 24-рамный лесозавод им. Молотова.

В качестве материалов для углубленной научной обработки собраны данные по общинному землепользованию и по северному жилищу (*Гринкова* 1936а).

В отчетах этнографа старой школы Н. П. Гринковой видно, как развитая культура научного поиска и научной мысли сохраняется при всех необходимых уступках новым требованиям.

В 1936 г. от Государственного музея этнографии была организована экспедиция в Воронежскую обл. для изучения русского населения и сбора коллекций для выставки «Русское население черноземных областей». Область хорошо известна этнографам как по музейным коллекциям, так и по научной литературе, среди которой Гринкова для статьи в «Советской этнографии» выделяет «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина и «Вымирающую деревню» А. И. Шингарева. Выбор Воронежской обл. для музейного показа этнограф объясняет еще и тем, что она «в деле социалистического строительства является в РСФСР одной из передовых» и «постановлением ЦИК от 15 марта 1935 г. … награждена орденом Ленина».

Сбор вещевого материала для музея по этой области начался в 1904 г., «но все эти собрания носят односторонний характер, а именно: они отражают праздничную нарядную сторону быта сельской буржуазии и середняцких слоев. Поэтому в дореволюционных собраниях преобладают материалы по нарядной, вышитой и богато украшенной праздничной одежде, а также по крестьянской вышивке. Совершенно отсутствуют рядовые будничные, рабочие костюмы, отсутствует материал, говорящий о бедности и нищете бедняцкого населения». Как отмечает Гринкова, материалы экспедиций в этот же район 1925–1927 гг. (основными участниками которых были сама Гринкова и Е. Э. Бломквист) «в основном отражали остатки старого быта».

Экспедиция длилась около двух месяцев. Центром работы был Воронеж, из которого предпринято 11 поездок в районы, согласованные и рекомендованные облисполкомом и облпланом.

Были исследованы: новая техника уборки хлеба комбайнами, ход хлебозаготовок, бытовые вопросы уборочного периода (в частности выезды в полевые таборы); Воробьевский совхозный театр; детские учреждения; оздоровительный лагерь для пионеров в Руднянском сельсовете; четыре из 19 пионерских лагерей; колхозная музыкальная школа, детские сады и ясли в колхозе «Красный Октябрь» в с. Ново-Животинном Березовского р-на; колхозный театр в Земетчинском р-не, являвшийся филиалом Московского Малого театра.

В Гремяченской р-не описаны областная опытная сельскохозяйственная станция, образцовая хата-лаборатория.

В Верхне-Хавском р-не фотографировали «орденоносок свекловичных полей» и их работу. Согласно концепции Русского музея этого времени, широкое использование в экспозициях современного иллюстративного материала, прежде всего фотографий, способствует росту интереса к музею, «приближению выставки к посетителю» (Этнографический отдел 1931).

В г. Мичуринске собраны материалы по Мичуринскому плодовому питомнику и внедрению методов Мичурина в колхозную практику.

Как свидетельства утверждения нового отмечено строительство двух электростанций и перестройка старой церкви в большой Дом социалистической культуры по проекту работников Воронежского областного союза архитекторов.

Научную ценность представляет подробное описание нового советского праздника народного творчества в с. Нижний Кисляй Лосевского р-на – как нового вида праздника, организованного при участии политотдела свеклосовхоза, с постановкой оперы «Запорожец за Дунаем», духовым и струнным оркестрами, хорами, ансамблями баянистов, частушечников, ложечников. Причем большинство выступающих – сотрудники завода и совхозники (*Гринкова* 1936б). Помимо акцента на радостной жизни в колхозе и стихии организованного народного веселья, внимательный взгляд специалиста по народному костюму отмечает процесс превращения его из традиционного (используемого в повседневном и праздничном быту) в сценический. То есть ученый прорабатывает теорию бытования этнической одежды в новых условиях (*Петряшин*, *Колчина* 2026).

Разрабатывались и старые темы, в частности весенняя обрядность. В Ельце собрана коллекция кружев и описано их производство и бытовые условия кружевниц. В Липецке на заводе «Свободный Сокол» изучался быт современного рабочего. Пополнена коллекция по липецкой глиняной игрушке. Велась работа по верованиям, фольклору и диалектам обследованных селений.

В с. Ушинка Земетчинского р-на внимание этнографов привлек традиционный костюм: «все женское население носит старый тип костюма, характерный для данных районов». Н. П. Гринкова, не отказываясь от языка новой идеологии, выражает сожаление, что не было достаточного времени для более детального обследования «этого весьма ценного в отношении пережитков селения».

Участница экспедиции Н. А. Федорова вела наблюдения по вопросам питания и попутно собрала коллекцию суррогатов питания, которые применялись в годы неурожаев и голодовок «в дореволюционное время» (*Гринкова* 1936б).

И финальная точка в классическом экспедиционном отчете – сведения о сотрудничестве. Участники экспедиции вели работу в различных учреждениях Воронежа: Облплан, Облздрав, Облоно, Краеведческий музей, Антирелигиозный музей, Музей Революции, Музей санкультуры, Дом пионеров, Областной Совет физкультуры, Научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, Комитет по делам искусств, Союз архитекторов, Отдел печати, Детская техническая станция, редакции газет «Коммуна», «Юный коммунар», «Будь готов», Областной совет Международной организации помощи борцам революции, Областной совет Общества содействия обороне, Сельскохозяйственный институт и др. Здесь собран основной статистический, а частично и иллюстративный материал для организованной к ленинским дням в залах музея выставки «Русское население черноземных областей».

Отчет показывает, что изучение современности опытными этнографами даже при вынужденной идеологической ангажированности дало интересный, яркий материал.

Завершающая (пятая) поездка по изучению быта колхозной деревни и добору материала по традиционной культуре (одежда, текстиль) в Воронежскую обл. (Уколовский и Коротоякский р-ны) была совершена Н. П. Гринковой в 1939 г.

Гали Семеновна Маслова в течение 1930 г. осуществила несколько кратковременных выездов в Тверскую обл. для сбора материалов по кустарным промыслам и колхозному быту в Московской обл. от Московского областного музея.

Для сбора экспонатов в 1935, 1939 и 1940 гг. организовывались экспедиции РЭМ в Архангельскую, Вологодскую и Кировскую области (*Петряшин*, *Колчина* 2026).

В 1939 г. прошла экспедиция по сбору «вещевого материала» для выставки «Русское население северных областей». В Вологде собраны образцы кружевного промысла, описаны технология и организация производства, в Великом Устюге исследованы чернь, чекан, финифть, филигрань, резьба по бересте. Маршрут включал также Архангельскую (г. Сольвычегодск, с. Черевково) и Кировскую (г. Киров) области. Ученые общались с мастерами берестяного промысла, дымковской игрушки, записывали способы охоты (*Федорова-Дылева* 1941).

В этом же 1939 г. сотрудники Музея изучали быт советских колхозников в Тамбовской и Пензенской областях. Идеологическая задача заключалась в представлении широкой общественности исключительно положительных изменений, произошедших в связи с социалистической перестройкой деревни. Передовой колхоз «Трудовик» Скачихинского сельсовета Уметского р-на обследовался в течение 45 дней.

Несмотря на идеологическую заостренность, этнографы собрали обширный материал по семейному быту: крестинам, свадьбе, похоронам и т. д., зафиксировали обряды и значительный фольклорный материал (*Вязовская* 1941).

Часть времени была уделена теме «Техника гончарства у русских»: в артели «Красный строитель» г. Кирсанов Тамбовской обл. (где работали гончары, приехавшие из старинного центра гончарства – с. Соколка Сердобского р-на Пензенской обл.) и в деревне Языково Чембарского р-на Пензенской обл., также являвшейся центром гончарного производства, но с другой техникой – «налепом».

Надо отметить, что описания жизни колхозников 1930-х годов представляют сейчас значительный интерес, поскольку их трудовая, бытовая, праздничная и фольклорная культура ушла в прошлое. Эти описания иллюстрируют такие проявления духовной культуры, как энтузиазм, коллективизм, самоотверженность, готовность работать на идею. С научной точки зрения перспективным является рассмотрение их как развитие трудовых и общественных традиций русского народа с учетом несамостоятельности, подконтрольности как личной, так и общественной жизни в советское время, а также характеристик национальной политики этого периода.

Внимание к производственной жизни колхозов имело и практическое значение. Подобно тому, как в 1920-е годы этнографы участвовали в изучении производительных сил страны, в 1930-е на основе материалов экспедиций складывалась картина эффективности или неперспективности тех или иных видов хозяйственной деятельности, происходил обмен опытом.

В соответствии с решениями археолого-этнографического совещания 1932 г. осуществлялась и работа фольклористов.

В 1931–1933 гг. фольклорная секция Института по изучению народов СССР (с 1933 г. – Институт антропологии, археологии и этнографии) совместно с Карельским научно-исследовательском институтом организовали экспедиции по собиранию фольклора русского населения Карелии с целью зафиксировать «сдвиги, происшедшие в фольклорном репертуаре деревни в период ее социалистической перестройки» (*Астахова* 1934: 215).

Были выбраны Заонежский и Беломорский р-ны, хорошо изученные как в дореволюционный период, так и экспедицией братьев Соколовых 1926 г., что давало возможность сравнения. Выезды длились: зимний 1931–1932 гг. – месяц, летний 1932 г. – два месяца. Было записано 77 вариантов былин и духовных стихов. Поскольку предполагалось, что былинная

традиция отмирает, а экспедиция зафиксировала прежде не записанные варианты и, помимо известных, восемь сказителей, не записанных участниками экспедиции 1926 г., «несмотря на тщательное отыскивание ими малейших осколков былинной традиции», найдены и записаны сюжеты, которые в данном районе считались исчезнувшими, – исследователи отметили в отчете «более медленный темп отмирания былины».

В задачу экспедиции входило выявление новых элементов в фольклоре, порожденных современностью. Были записаны «социально-острые» частушки, вскрывающие классовую борьбу, колхозные и антиколхозные. Отмечено освоение массовой революционной песни и ее фольклоризация; включение в прозаические жанры (сказка, бывальщина, предание) современных мотивов. Среди записанных 3800 частушек наряду с бытовой и любовной частушкой, «перепевающей мотивы, связанные со старым бытовым укладом и мировоззрением», были частушки, отражающие события Гражданской войны; антирелигиозные (которые квалифицировались как «связанные с культурной революцией»). Отмечено, что некоторые виды обрядовых и игрищных песен исчезают на фоне исчезновения самих праздников – святочных вечеринок, «поляночных сборищ» (праздники, привязанные ко дню Святой Троицы и т. д.), сужается круг свадебных песен. В то же время сохраняются плясовые «утошные» песни (сопровождающие особый поморский танец «утушку») как специфическая особенность песенного репертуара – такая же, как поморская сказка, бытующая преимущественно среди мужчин.

Сохранение протяжных песен в молодежной среде исследователи объясняют, с одной стороны, «устойчивостью некоторых пережиточных моментов старого семейного уклада», а с другой – их «несомненно большой художественной и эмоциональной силой».

Записывались поморские легенды, моряцкие и промысловые приметы, исторические предания, объясняющие происхождение некоторых местных названий.

Выявлено влияние на обновление песенного репертуара городской песни, колхозной клубной эстрады.

Отмечено широкое бытование «идеологически чуждых, вредных и халтурных, проникающих в колхозы через социально-чуждые элементы и находящих опору в общей еще культурной отсталости и мещанских настроениях части колхозной молодежи» песен (цыганских и салонных). В связи с этим участники экспедиции ставили вопрос о необходимости «оздоровления и организации массового музыкально-поэтического быта в колхозах».

Для фонограммархива Фольклорной секции Института произведены записи на фонограф некоторых старых крестьянских песен (протяжных и плясовых) и песен позднейшей формации. Сделаны фотоснимки выдающихся исполнителей. Записывались их биографии, как и биографии колхозников-ударников.

К характеристике методических формул экспедиции надо сказать о местах собирания. Это точки вблизи железных дорог и удаленные от них; колхозы на базе богатых в прошлом сел (с прослойкой кулаков, торговцев, промышленников) и колхозы в селах с бедняцко-середняцким населением; колхозы рыболовецкие, полуземледельческие, земледельческие с развитыми побочными заработками. Внутри сел рассматривались различные половозрастные и социальные группы в разные моменты (во время работы, на праздниках, на вечеринках и т. п.). Одним из методов выявления степени распространенности фольклорного материала были записи на фонограф в присутствии большой аудитории – местных жителей.

Для комплексной научной картины изучаемых явлений ученые собирали сведения по истории колхозов, социально-экономическим и культурно-бытовым условиям районов и т. п.

Подобно экспедициям Д. А. Золотарева и др., фольклорная экспедиция работала над созданием местных краеведческих ячеек для постоянного сбора материала. На собраниях активов из местных жителей участники экспедиции выступали с докладами о задачах советского краеведения и предлагали присоединить к работе. Удалось создать пять таких ячеек, разработать производственные планы для них, вывести на контакт с Областным бюро краеведения. Таким образом, разрушенная система краеведения создавалась уже на новых началах.

Интересно отметить, что, собирая фольклорный материал, который сегодня является бесценным, и понимая его значимость, участники экспедиции, в духе времени, участвовали и в его разрушении. В отчете описываются виды их общественной работы: наряду с консультациями – антирелигиозные выступления, организация Заонежским отрядом зимой 1931–1932 г. антирождественского вечера в Сенногубском сельсовете и активное участие членов Беломорского отряда в антипраздничном собрании в Ильин день в деревне Воринжа (*Астахова* 1934).

По аналогичной схеме по поручению ИПИН в течение трех с половиной месяцев (осенью–зимой 1932–1933 гг.) проходила экспедиция по сбору фольклора Терского берега Мурманского округа Ленинградской обл. Население – поморы, занимающиеся рыболовством (семга, селедка, белая озерная рыба), торосным боем морского зверя и оленеводством.

Отмечено, что общий быт населения делится между жизнью в деревнях и жизнью на рыболовных тонях, куда терчане выезжают со всеми семьями и скотом на сезон особенно интенсивного морского лова (три месяца). Собраны былины, свадебный, детский, производственный (частушки, связанные с промысловой рыболовецкой деятельностью) фольклор, исторические легенды и бывальщины (всего 964 памятника), материал по языку (лексике, морфологии), сведения об экономическом, политическом и культурно-бытовом состоянии района. Разрабатывались также темы «Женщина-колхозница на Терском берегу», «Быт и фольклор Терского ребенка», «Религиозные суеверия терчан и антирелигиозная работа в колхозах». Ввиду невозможности фотографировать из-за краткого и низкого стояния солнца над горизонтом исследовательница фиксировала изобразительный материал (моменты ловли и обработки рыбы, промысловые жилища, предметы домашнего обихода, общие виды деревень, береговые пейзажи, характеризующие условия работы рыбаков) в виде акварельных и карандашных рисунков.

Отдельной темой можно было бы выделить способы преодоления маршрутов в разных экспедициях. Этнографы ходили пешком, на лыжах, использовали лошадей, оленей, водный транспорт. В этой экспедиции передвижение на лошадях не представлялось возможным, поэтому большей частью перемещались по воде или на оленях. Протяженность маршрута составила 1200 км (*Колпакова-Карзубова* 1934).

В 1935 г. по инициативе Л. М. Кагановича начала работу экспедиция фольклорной секции Института этнографии по исследованию фольклора Московской обл. В организационной работе участвовали М. К. Азадовский, Е. В. Гиппиус и Л. Н. Лебединский, в собирательской – А. М. Астахова, С. Д. Магид, П. Г. Ширяева и З. В. Эвальд.

Работа велась в колхозах и на крупных предприятиях Московской обл. Всего собрано около 1500 песен (из которых значительная часть записана на фонограф), несколько тысяч частушек и около 500 сказок и устных сказов. Секцией также организована и проведена экспедиция в Сормово Горьковского края по сбору старых рабочих песен.

Изучение фольклора рабочей среды бригадами ИПИН обосновывалось так: «советский фольклорист не может не включить в сферу своего исследования фольклор ведущего класса».

ЦК партии выдвинул задачу создания истории фабрик и заводов, и фольклористы запланировали изучение не только современного рабочего фольклора, но и старой рабочей песни, «отразившей моменты классовой борьбы и идеологию рабочего класса в дореволюционное время». В Ленинграде работа проводилась на двух текстильных фабриках (имени 1 мая и имени Желябова) и на заводе «Красный Октябрь». Этнографы и фольклористы исходили из того, что это типовые предприятия: средние по размерам (2–3 тыс. рабочих), возникли еще в XIX в., имеют как старые, так и новые кадры.

Анализируется процент старых и новых песен. Отмечено, что «новые пролетарские песни тем же комсомолом творчески совершенно не освоены, поются механически по книжкам и поэтому, а также в силу своей интонационной трудности, быстро утомляют. Уже к середине демонстрации захлестывает волна мещанского репертуара, идущая, главным образом, от беспартийной молодежи». В духе времени ученые дают рекомендации по преодолению вредных явлений, говоря о необходимости «создания пролетарской массовой песни, интонационно более близкой и доступной, чем то, что мы имеем на сегодняшний день» (*Астахова, Эвальд* 1932) (такая песня и была создана советскими композиторами).

Дальнейшая научная работа Института этнографии была скорректирована в конце 1930-х годов. Позиции этнографии в системе общественный наук изменились через решения сверху.

В. В. Струве (директор Института этнографии в 1937–1940 гг.) в статье «Советская этнография и ее перспективы» в 1939 г. называет вредителями участников совещаний 1929 и 1932 гг., заявивших о ликвидации этнографии как науки, и озвучивает новую концепцию, определяющую направления дальнейших исследований: «мы приходим к выводу, что этнография, согласно учению марксизма-ленинизма, исследует свои специфические закономерности. Она, в первую очередь, изучает те общества, которые не переросли еще в нацию, пребывая еще, по существу, на стадии первобытнообщинного строя или раннеклассового общества… Когда основоположники марксизма утверждали, что племя, а не нация, является “категорией этнографической”, то из этого, конечно, не следует, что они отрицали этнографию русских, украинцев, грузин, армян и т. д., т. е. обществ, переросших уже в нации. Но этнограф, имеющий объектом изучения нацию, не исследует закономерности развития этого общества как нации. Он исследует те явления культуры, которые коренятся в далеком прошлом, а также те пережитки, которые остаются в среде данного общества от предшествующих докапиталистических периодов его развития». Задачи изучения современности оставались неизменными: «основной задачей советского этнографа является освещение того, что выросло на основе социалистической экономики, индустриализации и колхозного строительства и что “называется у нас социализмом в быту”. На основе конкретного фактического материала он ярко отразит зажиточную и культурную жизнь, а также народное творчество

многочисленных национальностей нашего Союза. Он покажет, как коренящиеся в далеком прошлом явления национальной культуры в области костюма, пищи, утвари, жилища, спорта, игр, прикладного искусства, фольклора расцвели новой жизнью за 20 лет социалистического строительства… Конечно, не все то, что сохранилось в нашем быту от прошлого, заслуживает бережного к себе отношения. Многое из этого должно быть безжалостно уничтожено, и обязанность советского этнографа – выделить такие вредные пережитки из прочего наследия прошлого и выявить их вред. Он должен тщательно изучать эти пережитки, религиозные и другие, которые остались в виде рокового наследства от старого классового общества, и должен добросовестно объяснить те причины, которые задерживают их отмирание. Советский этнограф тем самым окажет действенную помощь социалистическому строительству» (*Струве* 1939: 5, 8).

В соответствии с новой концепцией произошли изменения в структуре Института антропологии, археологии и этнографии. Постановлением Президиума АН СССР от 5 июля 1937 г. из его ведения вывели археологию, передав археологические исследования Институту истории материальной культуры. Работы по антропологии должны были быть сосредоточены в Институте антропологии при 1 Московском государственном университете. Но в Институте этнографии сохранялись археологический и антропологический отделы (с их богатыми коллекциями). В 1939 г. решением Ученого совета Института, утвержденным Президиумом АН, фольклорная комиссия Института передана в Институт литературы АН.

В качестве приоритетных задач работы института выдвигались разработка общих проблем этнографии и создание крупных теоретических трудов, а также учебников.

Реакцией на военно-политическую ситуацию в Европе стала критика теории «арийского избранничества», высших и низших рас, фашистских установок по вопросам этнографии народов СССР, повлиявшая и на усиление внимания к изучению русского народа: в планах подготовки монографий по отдельным народам СССР подчеркивалось «особое значение… подготовки монографии об этнографии русского народа (в связи с этнографией украинцев и белорусов)» (*Абрамзон* 1939).

С началом Великой Отечественной войны экспедиции к русскому населению в значительной мере были свернуты, многие сотрудники ушли на фронт.

В конце 1942 г. Президиум Академии наук СССР предпринял особые меры для сохранения и развития Института этнографии: были эвакуированы в тыл многие сотрудники, назначен новый руководитель – С. П. Толстов, сумевший собрать сильный научный коллектив и реализовать впоследствии многие исследовательские проекты. В 1943 г. головной центр переведен в Москву.

Но некоторые экспедиции все же осуществлялись. Е. Э. Бломквист, пережив блокадную зиму 1941–1942 гг., была эвакуирована в Ташкент. Находясь там до конца войны, в 1943–1944 гг. она ездила к старожильческому русскому населению побережья Аральского моря – так называемым уральцам (Каракалпакская АССР) (*Рабинович* 1946).

В военные годы Институт работал над заданием Генерального штаба Красной Армии «Исследование этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы». По восточным славянам работали экспедиции в Полтавскую обл. под руководством Н. Н. Чебоксарова и в Сталинградскую обл. – фольклорная под руководством В. Ю. Крупянской.

В 1944 г. Гослитмузей выпустил сборник В. Ю. Крупянской «Фронтовой фольклор» с фронтовыми песнями и пословицами. В предисловии высказана позиция этнографа и фольклориста: «В дни Великой Отечественной войны работа фольклориста-собирателя приобрела особый смысл и значение. На долю его выпала большая и ответственная задача запечатлеть голос народа, вставшего с невиданным в истории героизмом и единодушием на защиту своего отечества, учесть и осмыслить те новые факты народного творчества, которые возникли под влиянием грозных и величественных дней войны» (Фронтовой фольклор 1944).

В годы Великой Отечественной войны фольклористы не только собирали и изучали материал, но выступали и как составители сборников произведений народного искусства для фронта и тыла. В 1943 г. в осажденном Ленинграде, по инициативе А. А. Жданова, вышел сборник русских народных песен («Песенник»), изданный 25-тысячным тиражом для Советской Армии. Его первый раздел составили патриотические песни русской армии. Любимая традиционная народная песня становилась песней Великой Отечественной войны. «О величии и силе нашей Родины, величии национальной русской культуры, о бесплодности попыток немецких захватчиков ее разрушить говорит нам голос русской песни сегодня. Мощно звучит этот голос в Ленинграде – городе-герое, городе-фронте, городе-крепости, носителе великой русской культуры... Глубоко знаменательно, что именно сегодня Ленинград выпускает песенник русских народных песен, напоминающий народу любимые, родные его песни», – говорилось в послесловии к сборнику (*Гиппиус* 1943: 402).

В 1945 г. Президиум Академии Наук СССР поручил Институту этнографии сосредоточить внимание на собирании фольклора Великой Отечественной войны и углубить его исследование. В связи с

этим Институтом был организован ряд экспедиций и командировок, обследован ранее опубликованный материал, установлена связь с частями Советской Армии, создана сеть корреспондентов.

Уже в 1945 г. на только что освобожденные от фашистов территории направились несколько экспедиций. Фольклористы (В. Ю. Крупянская под руководством Л. Г. Бараг) занялись сбором фольклора Великой Отечественной войны в Западной Белоруссии и записали, среди прочего, песни заключенных в лагере смерти Освенциме и песни девушек, угнанных в немецкую неволю (*О. К.* 1946).

В 1946 г. фольклорный сектор Института совместно с Всесоюзным Домом народного творчества провел сессию с представителями Украины и Белоруссии по вопросам собирания и изучения фольклора восточных славян об Отечественной войне. В результате проведенных работ в московских научных архивах (преимущественно Литературного музея, Института этнографии, Дома народного творчества) сосредоточился большой фольклорный материал; появилась возможность составить свод фольклора Великой Отечественной войны. Этот свод, подготовленный В. Ю. Крупянской и С. И. Минц, предваряется обширной проблемной статьей и содержит детально разработанные комментарии. Сборник подвел итоги всему, что было сделано до этого времени.

Новый этап начался проведением в 1947 г. специальной Фольклорной сессии, посвященной вопросам дальнейшего собирания, изучения и издания патриотического военного фольклора. Сессию организовал Институт этнографии с приглашением специалистов, работающих вне Москвы (*Гиппиус, Чичеров* 1947: 50–51).

1930-е – 1940-е годы стали для русской этнографии временем идеологической подконтрольности исследований и запланированности результатов. Но специфика экспедиционной работы, когда ученый непосредственно общается с народом в его повседневной, трудовой, общественной жизни, все же не давала уйти в идеологическое теоретизирование. Образ народа-труженика, народа творческого, народа героического виден в научных трудах и материалах экспедиций того времени. Современные ученые найдут здесь немало интересного фактического материала при правильном понимании его идеологического обрамления (в одних случаях затушевывающего, а в других – выделяющего отдельные явления).

Великая Отечественная война, с одной стороны, ограничила или сделала невозможными полевые исследования русской культуры во многих районах страны, а с другой стороны, способствовала росту внимания к изучению русского народа, проявившего героизм в защите Родины, показавшего себя как государствообразующий народ.

Во второй половине 1940-х годов И. В. Сталин и вслед за ним партийные идеологи (в частности начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров) обратились к идее «великой русской нации», величия русской истории, культуры и науки. Обсуждался проект создания в структуре Академии наук СССР Института русского народа. Институт не был создан, но стартовали русские проекты в Институте истории АН СССР, Институте языка и мышления (в 1950 г. создан Институт русского языка). Курс И. В. Сталина на развитие идеи славянского единства привел к созданию на рубеже 1946–1947 гг. Института славяноведения АН СССР.

В Институте же этнографии в 1940-е–1950-е годы развернулись масштабные полевые исследования с целью подготовки фундаментальных трудов по культуре и быту русского народа. В 1943 г. в составе сектора Европы была образована Славяно-русская группа. В 1944 г. она преобразована в Славяно-русский сектор, которым, как и группой, руководил В. В. Богданов. Е. Э. Бломквист возглавила ленинградскую группу Славяно-русского сектора Института. В 1949 г. Славяно-русский сектор и созданная в 1943 г. Фольклорная группа (рук. П. Г. Богатырев) объединены в Сектор славяно-русской этнографии и фольклора под руководством В. И. Чичерова. В 1953 г. Сектор вновь переименован в Сектор славяно-русской этнографии, затем в Восточнославянский сектор (заведующие: в 1953–1959 гг. – П. И. Кушнер, в 1959–1961 – В. К. Соколова, в 1961–1986 гг. К. В. Чистов). В 1986 г. назван Сектором этнографии русского народа (с 1990 г. – Отдел; заведующие: Н. С. Полищук, И. В. Власова, А. В. Буганов, А. Г. Новожилов).

Предстоящие крупные проекты института основывались на следующих методологических положениях.

Во-первых, преемственность. В 1947 г. уже не с такой непримиримостью, как в начале тридцатых, смотрели на историю этнографической науки. С. П. Толстов в статье «Советская школа в этнографии» отдает должное размаху экспедиционной работы 1920-х годов, ее нацеленности на решение практических задач, публикационной активности этнографического сообщества (журнал «Этнография», «Сборники Музея антропологии и этнографии», «Материалы по этнографии» Русского музея, «Мемуары» Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии) и отмечает, что в теоретическом отношении это время продолжает традиции русской этнографии начала века (*Толстов* 1947: 12). Конечно, такая оценка в печати была не-

возможна, если бы не изменилась идеологическая ситуация в целом.

Во-вторых, междисциплинарность и использование в этнографической работе самых разнообразных источников: «Если для решения той или иной встающей перед этнографом проблемы (будь ли это происхождение народа, проблема определения его этнографической территории, или проблема возникновения и развития того или иного характерного для него общественного института, обычая, верования, или того или иного факта материальной или духовной культуры) необходимо использование данных других исторических дисциплин – актовых или нарративных письменных источников, археологических памятников и т. п., – то ничего, кроме вреда для дела, не принесло бы искусственное самоограничение этнографа, его отказ от использования этих данных. Нелепо было бы ограничиваться историко-сравнительными приемами восстановления истории, скажем, русской одежды или жилища, принципиально отказываясь от привлечения фресок, миниатюр, старых гравюр и описаний, наконец – собраний исторических музеев и данных археологии. Но вместе с тем мы прекрасно знаем, что для истории русского народного жилища и одежды этнографический материал сборов XVIII–XX вв. дает несравненно более богатые и многокрасочные данные, чем старые документальные и археологические материалы. Поэтому ретроспективное сравнительно-этнографическое освещение отдельных этапов этой истории восстанавливает очень многое, что в противном случае пришлось бы признать безвозвратно утерянным» (*Толстов* 1947: 19–20).

В-третьих, нацеленность этнографических исследований на решение теоретических проблем, выявление закономерностей исторического развития, внимание к вопросам этногенеза, путям исторического становления народа и его культуры.

Заявленные директором Института этнографии С. П. Толстым позиции, касающиеся преемственности этнографических исследований, принципов и фундаментальных целей научной работы, показывают, что, пережив период теоретических нестроений, советская этнография вновь выходила на путь решения серьезных задач с использованием кадрового, методического и организационного потенциала и опыта, накопленного до начала 1930-х годов. Из всего комплекса традиционных для этнографии тем, в связи с идеологической обстановкой, были сделаны акценты на изучение колхозного строительства и производственных процессов. Религиозная культура изучалась как пережиток, с которым необходимо бороться. В области духовной культуры наиболее объективно и комплексно изучался фольклор.

Внимание к производству не являлось новым. Задача изучения производительных сил страны была в приоритете и в 1920-е годы. Так, в 1926–1927 гг. Г. С. Маслова и А. Г. Данилин работали в рамках комплексной озерной экспедиции в р-не Спасклепиковских озер в Рязанской губ., В. В. Богданов руководил изучением быта и промыслов рыбачьего населения Центрально-Промышленной обл. И таких программ по изучению узких специальных производств было немало. Изучение колхозного строительства, новых праздников, изучение быта рабочих также перешло в 1930-е из предыдущего периода. Все эти темы получили дальнейшее развитие.

Сужение тематики объяснялось тем, что ученые не могли, как в 1920-х годах, проявлять инициативу, самостоятельно разрабатывать и открывать новые проекты, организации, общества. В 1930-х инициатива стала невозможной. Можно было проводить только одобренные и запланированные партийным руководством исследования.

Тем не менее в этот период благодаря традициям и методикам комплексного изучения культуры населения во время экспедиций был собран научный материал, фиксирующий состояние русской культуры на данном этапе ее существования. Музейные коллекции пополнились новыми экспонатами. Комплексность исследований, несмотря на выдвижение на первый план одних тем и умаление других, сохранялась.

В методическом плане 1930-е годы показали неперспективность для науки опоры только на идеологию (лишь на историко-сравнительный метод в его идеологизированном советском варианте) и необходимость расширения методологической базы.

Внимание к проблемам этногенеза усилилось в это время в связи с ухудшением политической обстановки в мире и дало серьезные результаты, представленные на сессиях по этногенезу. Великая Отечественная война обусловила особое внимание к изучению русского народа, которое реализовалось в масштабных проектах конца 1940-х – 1950-х годов.

Источники и материалы

Абрамзон 1939 – *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // Советская этнография. Сборник статей. Вып. II. Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 208–210.

Астахова 1934 – *Астахова А. М.* Карельские экспедиции в 1931–1933 гг. // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 215–219.

Астахова, Эвальд 1932 – *Астахова А., Эвальд З.* Работа бригады ИПИН по собиранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 141–145.
Борисковский 1935 – *Борисковский П. И.* Полевые исследования Государственной Академии им. Н. Я. Марра в 1934 г. // Советская этнография. 1935. № 2. С. 160–166.
Вязовская 1941 – *Вязовская Т. С.* Поездка в Тамбовскую и Пензенскую области // Советская этнография. 1941. № 5. С. 174–175.
Вяткина 1936 – *Вяткина К. В.* Работа института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в 1935 г. // Советская этнография. 1936. № 1. С. 139–141.
Гиппиус 1943 – *Гиппиус Е. В.* Послесловие // Русские народные песни (песенник). Л., 1943.
Гиппиус, Чичеров 1947 – Гиппиус *Е. В., Чичеров В. И.* Советская фольклористика за 30 лет // Советская этнография. 1947. № 4. С. 29–51.
Гринкова 1936а – *Гринкова Н. П.* Экспедиция Государственного музея этнографии в Северный край // Советская этнография. 1936. № 1. С. 160–165.
Гринкова 1936б – *Гринкова Н. П.* Экспедиция Государственного Музея этнографии в Воронежскую область (1936 г.) // Советская этнография. 1936. № 6. С. 117–129.
Колпакова-Карзубова 1934 – *Колпакова-Карзубова Н.* Фольклор Терского берега // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 219.
Лекомцев 1936 – *Лекомцев И. М.* Этнографическая секция Института // Советская этнография. 1936. № 1. С. 142–143.
Малиновская 1932 – *Малиновская З.* Научные командировка этнографического отдела Государственного Русского музея в 1932 г. в Ленинградскую область // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 232–234.
Маторин 1932а – *Маторин Н. М.* На пороге второй пятилетки // Советская этнография. 1932. № 1. С. 4–9.
Маторин 1932б – *Маторин Н. М.* Пятнадцать лет советской этнографии // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 3–14.
Невский 1934 – *Невский А. А.* Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религий Академии Наук // Советская этнография. 1934. № 3. С. 106–107.
О. К. 1946 – *О. К.* Об экспедициях 1945 г. // Советская этнография. 1946. № 2. С. 211.
Пальвадре 1931 – *Пальвадре М.* Экспедиция в Северо-Западную Карелию // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 207–209.
Рабинович 1946 – *Рабинович М. Г.* Институт этнографии Академии наук в годы Великой отечественной войны // Краткие сообщения / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук Союза ССР / отв. ред. М. Г. Левин. Вып. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
Равдоникас 1934 – *Равдоникас Вл.* Экспедиции ГАИМК // Советская этнография. 1934. № 4. С. 118.
Резолюция 1929 – Резолюция по докладу С. Ф. Ольденбурга «Увязка этнографических экспедиций отдельных учреждений» // Этнография. 1929. № 2. С. 140–141.
Резолюция 1932 – Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. (по докладам С. Н. Быковского и Н. М. Маторина) // Советская этнография. 1932. № 3. С. 4–14.
Совещание 1929 – Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5.IV–11/IV 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 110–144.
Струве 1939 – *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. Сборник статей. Вып. II. Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 3–10.
Толстов 1947 – *Толстов С. П.* Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
Торэн 1932 – *Торэн М.* Работа колхозной группы ИПИН за 1931–1932 год // Советская этнография. 1932. № 2. С. 139–141.
Федорова-Дылева 1941 – *Федорова-Дылева Н. А.* Отчет о работе экспедиции в северных областях РСФСР в 1939 г. // Советская этнография. 1941. № 5. С. 171–174.
Фронтовой фольклор 1944 – Фронтовой фольклор. М.: Гослитиздат, 1944.
Шахнович 1932 – *Шахнович М.* Вторая пятилетка этнографической работы в МАЭ и ИПИН АН СССР и Этнографического отдела Государственного Русского Музея // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 195–207.
Экспедиции 1934 – Экспедиции // Советская этнография. 1934. № 4. С. 118.
Этнографический отдел 1931 – Этнографический отдел Государственного Русского музея за 1-е полугодие 1931 г. // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 165–167.

Научная литература

Королькова Л. В. Пальвадре Марта Юльевна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Со-

биратели». URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/palvadre-marta-yulevna/ (дата обращения: 17.08.2026).
Петряшин С. С., Колчина Е. В. Гринкова Надежда Павловна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/ (дата обращения: 25.06.2026).
Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. Вып. 4. С. 185–221.
Шахнович М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство. Религия, Церковь. 2013. № 1(31). С. 202–219.
Шахнович М. М. Местночтимые православные святые в России в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам этнографических экспедиций) // Религиоведение. 2021. № 3. С. 5–14.

References

Korol'kova, L. V. 2026. *Pal'vadre Marta Yul'evna* [Marta Yulievna Palvadre]. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/palvadre-marta-yulevna/ (Accessed: 25.06.2026).
Petryashin, S. S. and E. V. Kolchina. 2026. *Grinkova Nadezhda Pavlovna* [Grinkova Nadezhda Pavlovna]. URL: https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/ (Accessed: 25.06.2026).
Reshetov, A. M. 1994. Repressirovannaya etnografiya: lyudi i sud'by [Repressed Ethnography: People and Fates]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi 4*: 185–221.
Shakhnovich, M. 2013. Sektsiya po izucheniyu religii narodov SSSR pri Muzee istorii religii Akademii nauk SSSR (1934 g.) [Section for the Study of Religions of the Peoples of the USSR at the Museum of the History of Religion of the USSR Academy of Sciences (1934)]. *Gosudarstvo. Religiya, Tserkov' 1*(*31*): 202–219.
Shakhnovich, M. M. 2021. Mestnochtimye pravoslavnye svyatye v Rossii v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov (po materialam etnograficheskikh ekspeditsii) [Locally Venerated Orthodox Saints in Russia in the Late 1920s – Early 1930s (Based on Ethnographic Expeditions)]. *Religiovedenie 3*: 5–14.

STUDY OF THE RUSSIAN PEOPLE IN THE EXPEDITIONARY WORK OF THE INSTITUTE OF ETHNOGRAPHY IN THE 1930s – THE EARLY 1940s

Abstract. This article examines the expeditionary work of the Institute of Anthropology, Archaeology, and Ethnography of the USSR Academy of Sciences in the 1930s and 1940s. This period was characterized by significant restrictions on research freedom due to changing party and government views on the objectives of ethnographic science. Nevertheless, the expeditionary research conducted during this period allowed us to document the state of Russian ethnic culture at a specific stage. Attempts to introduce new ideological research methods into actual fieldwork were complemented by the traditional monographic approach, which made it possible to maintain, albeit in a limited form, the completeness of the research. With the emergence of new challenges conditioned by military and political events, ethnographic science was able to actualize its scientific and human resources potential.

Keywords: Soviet ethnography, 1930s, expeditionary research.

Authors Info: Shlyakhtina, Natalya V. – Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9321-8863

For citation: Shlyakhtina, N. V. 2026. Study of the Russian People in the Expeditionary Work of the Institute of Ethnography in the 1930s – the Early 1940s. *Tradition and modernity* (*Traditsii i sovremennost*) *46*: 21–35

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.